

ОБЩЕСТВО МОРСКИХ ВРАЧЕЙ
МЕДИЦИНСКАЯ СЛУЖБА
ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
1472 ВОЕННО-МОРСКОЙ КАНИЧЕСКИЙ ГОСПИТАЛЬ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА ПИРОГОВА Н.И.

ВѢСТНИКЪ МОРСКОГО ВРАЧА

№ 10

СЕВАСТОПОЛЬ 2010 ГОД

ВИКТОР ГОЛУБИНОВ

ВОЕННЫЙ ВРАЧ НА ХОЛМЕ БЕЗЗАКОНИЯ

(Материалы к биографии Евгения Петровича Голубинова (1880 - 1937))

Многим знакомо ощущение, когда в поиске, научном, архивном или, например, в путешествии вдруг начинает везти или даже скажу больше — вести. Одни сведения догоняют другие, находка следует за находкой, все складывается благоприятно, и рождается ощущение, что ты идешь не «поперек промыслу», а «по призыву»[1]. Особо впечатляют «промыслительные совпадения»[2] в поиске семейных корней. Стоило мне в апреле 2008 г. позвонить в Париж Александру Владимировичу Плотто, эмигранту первой волны и историку русского флота, с которым мне посчастливилось познакомиться лет 10 назад, как я услышал, что в Севастопольском журнале «Вестник морского врача» вспомнили про моего деда, доктора медицины Евгения Петровича Голубинова[3]. Дед — выпускник Военно-медицинской академии, морской врач, дворянин и статский советник (до ноября 1920), служил на Черноморском флоте в те же годы, что и отец Александра Владимировича, В.А. Плотто. Связавшись с ответственным секретарем журнала Александром Андреевичем Зубаревым, я не только получил подтверждение упоминания имени деда на страницах «Вестника», но и был приглашен в Севастополь на конференцию, посвященную юбилею морского госпиталя, где много лет работал Евгений Петрович. Спустя пару дней отправил в Севастополь биографию деда. Через месяц она была напечатана[4]. А в июне я вместе с десятилетним сыном Всеволодом впервые приехал в Севастополь. Пользуюсь случаем поблагодарить гостеприимных хозяев — руководство Севастопольского морского госпиталя. Каждое утро мы спускались с трапа госпитального судна «Енисей» и оказывались у Минной стенки, где за столетие до этого разгружались и «Дерзкий», и «Пронзительный», и другие миноносцы Черноморского дивизиона, где служил дед.

Бросилось в глаза сходство севастопольских спусков и круто спускающихся к Волге улочек — взвозов — в моем родном Саратове. Сходство, видимо, было еще большим в 1937-м, когда мой отец, Владимир Евгеньевич Голубинов (1912—1968)[5] переехал в Саратов из Архангельска, в котором провел 6 лет после того, как покинул Севастополь в 1931-м. Полагаю, он был рад, когда в Саратове появилась и полноценная набережная, и непривычные для нашего климата, но вполне прижившиеся каштаны. Если нет возможности «жить в глухой провинции у моря» (И. Бродский), так хотя бы у такой реки, как Волга.

Вверх по Минному спуску (оксюморон — что-то вроде «вверх по лестнице, ведущей вниз»), пересекаем несколько улиц, и мы на углу улицы Фрунзе, бывшей Красноармейской, а ранее — Адмиральской, где жил Евгений Петрович с семьей. Улица почти та же. Собор Святого Владимира на другой стороне, недалеко от участка, где жил дед, на месте. Хочется сказать: пара домов от угла, и мы — в прошлом. Но нет, чуда не происходит. Дома, стоявшего по адресу Адмиральская улица, 5, не существует. Старый план участка, сохранившийся в домашнем архиве, наложенный на спутниковую карту Google, позволяет точно установить место, где стоял дом, был сад, звучали голоса, жил мой отец и другие родственники. Но участок закрывает сплошная белая стена. От знакомого по фотографии дерева, стоявшего когда-то напротив входа, остался спиленный заподлицо пень. Колючая проволока поверх стены усиливает впечатление утраты. Заглянуть в прошлое позволяют только чудом сохранившиеся старые фотографии и воспоминания некоторых обитателей этого дома.

Главный ориентир — воспоминания самого Евгения Петровича[6]. Написанные частично до, частично после событий ноя-

бря 1920 года, мемуары полны умолчаний. В них почти нет политики, описаний красного террора. Те, из сослуживцев деда, кто покинул город в 1920-м, высказались откровенно и рассказали обо всем [7 и др.]. Но Евгению Петровичу, оставшемуся тогда в Севастополе со своим госпиталем и нетранспортабельными ранеными и больными, писать обо всем значило рисковать всем: жизнью, семьей, домом. В рукописи как раз только это: служба, война, дом, быт, семья, дети. Лишь несколько слов о революции. Молчаливое свидетельство отношения автора к происшедшему в городе — выбранный материал для написания текста (363 страницы, исписанные ровным мелким почерком, примерно 4-5 условных авторских листов). Красивый коричневый том «памятной книжки», формат 12 x 17 см, кожаный переплет, золотые обрез и тиснение на корешке и верхней крышке переплета — в овале орнамента — 1917. Думаю, выбор не случаен. Без слов, но лучше не скажешь. Год, перевернувший все в жизни и страны, и деда.

Судовой врач, надворный советник (чин, соответствующий подполковнику в армии и капитану 2 ранга во флоте), прикомандированный к Севастопольскому морскому госпиталю, Евгений Петрович Голубинов поселился на Центральном городском холме в 1912 году. Название места, Холм, или Хребет беззакония, связано с несанкционированной застройкой и дурной репутацией жителей холма в годы основания Севастополя. Но в 1838-м военный губернатор Севастополя и Николаева адмирал М.П. Лазарев ликвидировал нищенскую слободу, и центральный холм превратился в наиболее благоустроенный и красивый район города. Место переменялось, но название осталась. Порой кажется, что топонимика и даже метафизика этого места проявились в том беззаконии, которому было уготовано вернуться сюда в следующем столетии.

До этого Евгений Петрович, с женой Ксенией Николаевной (1883-1946) и дочерью Натальей (1907-1921) снимали квартиру у инженера-механика флота Иванова (за 60 рублей в месяц при месячном жалованьи врача в 163-164 рубля) по адресу: Большая Морская, 33 [8, стр. 74-75]. В ожидании второго ребенка квартира стала для Голубиновых не только тесной, но и нехвата востребованной самими хозяевами. Как вспоминает Евгений Петрович (все цитаты даются в сокращении), «мы в весьма неудобное для нас время ожидания прибавления семейства принуждены были искать себе другую квартиру. С прибавлением семейства надо было улучшать и материаль-

ную сторону нашей жизни. Приходилось решаться на ломку жизни, оставлять семью и уходить на год в заграничное плавание, где предстояло получать 500 руб. в месяц, т. е. за расходами на себя, я мог уделять семье до 400 руб». [6].

Голубиновы с трудом нашли новое жилье. «Квартир подходящих, да и вообще квартир, сдающихся в найм, в городе не оказывалось. Каким-то образом жена набрела на Адмиральскую, № 5. Оказалось, что предполагавшаяся там пустой, квартира занята, но что дом продается. Я давно мечтал о небольшом собственном доме... На этот раз мы попытались купить собственность. Вступили в переговоры с владелицей дома № 5 по Адмиральской вдовой штурманского офицера г-жой (Анастасией Елисеевной В.Г.) Кожевниковой.... Условия покупки дома оказались для нас приемлемыми. Заплатили мы за дом 5 тысяч рублей и на 10 тысяч сделали на ее имя закладную из 6% на три года, в предположении, что за три года родители жены ликвидируют дом на Рымарской в Харькове и на нашу долю придется от ликвидации 10 тысяч рублей». Как раз к этому времени тесть Евгения Петровича, профессор Николай Константинович Кульчицкий (1856-1925), ученый-гистолог с мировым именем, член-корреспондент Военно-медицинской академии, оставил пост зав. кафедрой описательной анатомии в Харьковском университете и с января 1912 г. был назначен попечителем Казанского учебного округа. Позднее он станет попечителем Петроградского учебного округа, затем сенатором, а в канун 1917 года — министром народного просвещения [9-12]. Голубиновы едва успели уладить все дела по покупке дома к моменту рождения сына. 12(25) марта 1912 г. в семье Евгения Петровича Голубинова родился мальчик, мой отец. Решено было «назвать сына по приходу, в котором находился вновь купленный дом, Владимиром». Его крестины «совпали с молебном по поводу переезда в собственный дом». Крестной матерью была Надежда Гавриловна Галич, крестным отцом — Н.К. Кульчицкий. Дом на Адмиральской, 5, купленный Голубиновыми, напоминал «по духу» харьковский дом семьи Кульчицких, «только в значительно <более> миниатюрном виде. Дом был крепкий, но по удобствам и отделке оставлял желать много лучшего. Сумма денег около 16 тысяч руб. с купчей крепостью была не настолько большой, чтобы в 1912 г. в Севастополе можно было бы купить что-либо путное. По совокупности всех сложившихся обстоятельств», продолжает Е.П. Голубинов, «нам пришлось покупать именно его. Других домов мы даже

не смотрели, да и этот осмотрели поверхностно и решили быть так». Сохранились документы по дому [13]. Разрешение городской управы 1909 г. на постройку флигеля с планами местности и двора дома. Выписка из купчей крепости 1912 г. и план строения 1913 г. Протокол судебного заседания 1914 г. по иску к соседу, генерал-майору Владимиру Николаевичу Попову, о восстановлении нарушенного владения. Справка о проведении капитального ремонта дома в 1919 г. Арендный договор 1923 г. на дворное место, план 1-го этажа дома 20-х годов.

«С покупкой дома начиналась лучшая часть жизни». Осенью 1912 года приступили к переустройству приобретенного. «Вместе с ростом детей возрождался и бывший Кожевниковский дом. Постепенно он перестраивался... Жили обитатели, жил и сам дом!» Дом приобрел «благоустроенный вид, и жить в нем можно было достаточно удобно».

Обустроенный по-новому дом и его гостеприимные хозяева привлекли знакомых, ставших подлинными друзьями. Евгений Петрович был дружен со многими. Со строевыми офицерами В.И. Палимпсестовым, Г.Ф. Гильдебрантом, П.П. Остелецким, корабельным инженером В.Е. Карповым (моим прадедом). А также с теми, кто вскоре сделал блестящую карьеру и занял в городе высокие воинские должности: контр-адмиралом Э.С. Моласом, князем, контр-адмиралом В.В. Трубецким, вице-адмиралом А.В. Колчаком, начальником Штаба Командующего Черноморским флотом, а затем контр-адмиралом М.И. Смирновым. Приходили по вечерам посоветоваться или провести время сослуживцы — военные врачи Н.Ф. Миллер, Б.И. Воробьев, Вл. Семковский, художник Ю.И. Шпажинский, священники, преподаватели. Приезжали Н.Г. Галич с мужем, приходили, приезжая в Севастополь, харьковские профессора И.Н. Оболенский, В.Я. Анфимов, А.М. Черевков. Гостили родственники. Брат Евгения Петровича, русский вице-консул, а затем и консул в Урмии (Персия) Сергей Петрович Голубинов со своим секретарем, сын Сергея Петровича — Всеволод, тетя Евгения Петровича — М.В. Шелепина. Родственники жены — Кульчицкие: родители, Николай Константинович и Евгения Васильевна, сестра Мария, братья Александр и Димитрий, тетки А.В. Самойлова и М.П. Володкина, другие родственники: И.П. Полуэктов, К.М. Алексеев, Е.Г. и В.А. Седовы. Этот близкий круг родни и друзей требует особого рассказа, который, надеюсь, последует. Некоторые из гостей или жильцов дома, такие как профессор Н.К. Кульчицкий, Димитрий Кульчицкий

(позже известный танцор русского балета в эмиграции), Всеволод Голубинов (впоследствии французский писатель Серж Голон), заслуживают самостоятельных биографий. «Все знакомые по Харькову и другим городам проездом на Кавказ, либо на южный берег Крыма попадали к нам на Адмиральскую. Благодаря этому мы не теряли с ними связи, и не чувствовалось, что мы живем на окраине. Казалось, что мы достигли некоторого благополучия, и что жизнь в будущем будет протекать еще более благоприятно».

Спокойная жизнь продолжалась до первой мировой войны. «События поначалу не предвещали для Севастополя чего-либо страшного. Говорили о неприступности Севастополя для неприятеля с моря, о грозности Севастопольских батарей и пр. пр., так что опасаться за пребывание в нем семьи не было оснований». Военные действия на Черном море застали Е.П. Голубинова на транспорте «Дон», где он служил судовым врачом с 29.09.1914 по 06.01.1915. 16.10.1914 г. и вместе со всеми пережил нападение на Севастополь немецко-турецкого линейного крейсера «Гебен». С этим же линкором Евгению Петровичу «посчастливилось» встретиться еще раз во время погони «Гебена» 8.09.1915 за русскими эскадренными миноносцами «Счастливый», «Гневный» и «Дерзкий» (дед был в плавании на «Дерзком»). Евгений Петрович пишет: «За пребывание в должности врача 1-го дивизиона миноносцев мне пришлось быть участником многих военно-морских операций, либо, вернее, быть их зрителем и переживать подчас неприятные минуты и даже целые дни. Ставили мы минные заграждения, обстреливали берега, ходили в минные атаки, уничтожали пароходы и парусные суда неприятеля, расстреливали плавучие мины, охраняли эскадру от нападений подводных лодок, крейсировали в разведке за неприятелем, поддерживали блокаду Анатолийских и Болгарских берегов. Словом, выполняли, что нам предписывалось Штабом Командующего флотом, либо, что неожиданно для нас подвертывалось в море. Плавание на миноносце приучило меня спать даже под грохот орудий, чего я поначалу никак не мог допустить в мыслях. Храбрым от природы я никогда не был. Воином рожден не был и всегда поражался людям, которые самоотверженно шли на войну, совершали военные подвиги, особенно тем, коих имена не запечатлеваются на страницах истории. Но отлынивать в военное время от назначения, сопряженного, хотя бы и с явным риском для собственной жизни, считал неблагородным и для себя неприемлемым. Дед мой (Александр Алексее-

евич Голубинов, 1793-1849 — В.Г.[4, 14]) был военным. Провел кампанию с 1812 по 1814 г. Участвовал чуть не в 26 сражениях до Бородинского включительно, и внуку было бы зазорно бежать от войны. Семья? Нас воспитывали, что семья должна приноситься в жертву государству. К военной службе я никогда не стремился. Военная служба мне казалась возможно привлекательной в обстановке мирного времени. Но специализироваться в военном деле, чтобы умышленно уничтожать возможно большее число людей, и быть самому мишенью, в которую стреляют, и изображать из себя пушечное мясо, мне никак не было по душе. В сущности риск война на войне одинаков с риском врача у постели заразного больного. В силу профессиональности о возможности заразиться не думаешь, пока не заразишься, почему бы, казалось, будучи воином, бояться войны. Теперь после многих лет обстановки, хуже военной, скажу, что дело в привычке. Заразиться и умереть от болезни можно ежедневно, тогда как война бывает не так часто. Привыкнуть не бояться, мне кажется, все же трудно и не свойственно культурному человеку, тогда как выработать в себе некоторую сдержанность к страху — выдержку при нормальной нервной системе всегда возможно. Положение морского врача не разнится с положением всякого, кто бы ни находился во время боя на корабле, и роль его становится активной, поскольку результатом боя могут явиться раненые. Первые убитые на миноносце внушали во мне ужас к войне. Невольно являлся вопрос, кому нужна война, смысл войны? Ответ найти трудно. Все равно, если спрашивать, кому нужны эпидемии. С последними, правда, борются, но разве с войной не борются. Постепенно я привык к войне, тем более, что убивал не я, и примирился с войной, как с неизбежным злом в жизни народов. Боевых подвигов с меня, как врача, никто не требовал. Требовалась от меня выдержка во время боя и подача помощи раненым. Я этого достиг самообладанием, и в, конце концов, был награжден несколькими орденами с мечами и бантом» (орденами Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й степени с мечами и Св. Анны 2-й степени с мечами — «за отличие в делах против неприятеля» — В.Г.), а как ктитора церкви минной бригады на Блокшиве № 5 — именован Евангелием.

Удручающее впечатление произвел на всех взрыв порохового погреба на русском дредноуте «Императрица Мария», случившийся 20.10.1916 на северном рейде Севастополя. «Всех убитых, утонувших и ране-

ных было до 450 человек. Картина, которую там увидел» Евгений Петрович, «была поистине ужасной. Санитары складывали в коридоре, либо просто на открытом воздухе вынутых из воды, обожженных и покрытых копотью и грязью раненых. Всех их вымазывали вазелином. Стон стоит кругом. На полу всюду вазелин, так что и ходить трудно. Санитары в переноске больных выбились из сил и невольно выпускают из рук носилки, причиняя несчастным раненым лишние страдания. Все было кошмарно, и приходило в голову, что подача помощи раненым происходит не так, как это бы можно было организовать». На следующий день после происшествия Евгений Петрович подал санитарному инспектору флота и флагманскому врачу Штаба Командующего флотом, доктору медицины Е.К. Яблонскому проект транспортировки раненых с места аварии до приемного покоя госпиталя включительно. Проект заключался в новой госпитальной пристани, в рельсовом пути, по которому раненые с пристани передавались бы в приемный покой, который также долженствовал подвергнуться перестройке, чтобы раненые, «обмытые, согретые и обласканные, поступали оттуда в операционный зал госпиталя». Проект, попав в Морское министерство в Петрограде, встретил одобрение, и «было прислано в Севастополь распоряжение отчудить полосу берега порта близ артиллерийских мастерских и составить комиссию для проведения в жизнь проекта пристани флагманского врача Черноморской минной бригады».

«Военный экзамен» Евгений Петрович выдержал. За пребывание врачом 1-го дивизиона миноносцев, кроме боевых орденов, был произведен вне очереди в звание старшего врача флотского экипажа и произведен в коллежского советника (чин, соответствующий полковнику и капитану 1 ранга). Затем последовало назначение флагманским врачом Штаба начальника Черноморской минной бригады (14.04.1916), что «было блестящей для судового врача карьерой». С новым назначением на дом сейчас же провели телефон, и дом совсем превратился в «комильфотное состояние». Евгений Петрович вспоминает: «В доме не было ни одного грязного угла и не было никакого беспорядка, куда бы нельзя было повести гостя, либо случайного посетителя. Не в худший, чем квартира, вид был приведен садик при доме. Он имел всего 30 кв. сажень (136,5 кв. м — В.Г.). Я переделал его на свой лад, посадив немало растительности, которую привозил с Кавказа и даже из Константинополя. Сад требовал упорного ухода и полива. Прово-

дя достаточное количество времени на судах флота и в море, у меня увеличилось тяготение к земле. Дальние мои предки были помещиками и желание иметь хоть небольшой клочок земли и хозяйство всегда жили во мне. Жизнь в доме была полной. Материальная сторона нашей жизни была налажена. Родня чувствовала себя в Петрограде не хуже нас. Все нам улыбалось. 10-го февраля 1917 г. дома затевался детский спектакль и вечер. 19-го февраля справлялись, как и в прежние годы, мои именины, а 27-го февраля случилось то, что в истории носит название революции и что предоставило право всякому вторгаться в нашу жизнь и обсуждать, так ли мы жили, как нам надлежало, и что подчинило нашу жизнь новым создавшимся условиям жизни в России».

В августе 1917 г. Е.П. Голубинов — и. о. санитарного инспектора Черноморского флота, затем ординатор и старший ординатор Севастопольского морского госпиталя. Летом 1920 г. приказом Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России за № 121 произведен «с 25 октября 1917 года» в статские советники (чин, соответствовавший бригадиру армии и капитан-командору флота). Перенеся дважды тиф и оставшись в Севастополе со своими больными и ранеными, Евгений Петрович встретил новый 1921 год.

С начала революции «прошло пять лет, Чего за эти пятилетие пришлось переиспытать, видеть, чувствовать, переоценить. Много воды утекло, многих людей о которых я упоминал, нет в живых, многие поразъехались, и где они теперь, что с ними, одному Богу известно. За эти пять лет сами мы и наша жизнь резко переменилась. Дом наш стоит на месте. Но это не тот дом, что некогда блистал чистотой и славился своим гостеприимством. Стоит он каким-то обшарпанным, облупленным. Живем мы в нижнем этаже, живем среди чужих, но все же милых нам людей, а в нашей бывшей наверху квартире царит холод, грязь и засилье. Кругом дома лает и бросается на прохожих все тот же Полкан, только худой и шалый от голода. Пять лет немалый срок при такой окаянной, если так можно, выразиться жизни. Жизнь нас переломала, несколько изнурила. Серость в жизни наложила на нас свою печать, но все же жизнь есть, и иногда прорывается, и бьет ключом. Дети служат нашим утешением. О будущем лучше не думать, ибо оно страшно. Живем настоящим, поскольку оно у нас есть. Настроение наше сменялось радостями, которыми опутывала окружавшая нас жизнь. Над нами витала сама смерть, которую обычно рисуют в виде скелета с ко-

сою в руках, но мы ее не замечали, и пришла она к нам в дом с той стороны, с которой мы меньше всего могли ее ожидать... »

Летом 1921 года от сложной инфекционной болезни (скарлатина и дифтерит) умерла дочь, Наталья (Таля) Голубинова. «... Все, что было созданного за жизнь, вдруг рухнуло в какую-то пропасть и на обломках рухнувшего и краю пропасти, куда оно рухнуло, приходится строить новое здание из тех же обломков рухнувшего. Неприятно — жутко!»

Смерть дочери, отчаяние, невозможность примириться с утратой и новым порядком в городе и флоте заставили Евгения Петровича искать пути ухода с военной службы. К тому же «служебное положение мое ординатора начало колебаться. Как-то раз меня напугали переводом на север. Приходилось задумываться, как выйти из положения, которое вдруг для нас может создаться. Уйти прямо со службы не представлялось возможным. Уйти по болезни! Начинаю обходить сотоварищей врачей». Доктора медицины Л.К. Павловский, В.И. Алешин, профессор, д. м. А.Е. Щербак, врачи А.В. Лясковский, Глинка, И.Я. Бильвейс дали заключения. Диагноз — «хронический миокардит, туберкулез легких и расширение аорты». 8.11.1921 Евгения Петровича «комиссовали», признав негодным к военно-морской службе (приказ по Санитарной части Чернфлота 22.12.1921 № 1096) [13].

Адмиральскую улицу переименовали в Красноармейскую. Вслед за смертью дочери, начал рушиться и Дом, символ семьи и твердой, устойчивой жизни. По новому арендному договору 1923 г., «дворовое место» Голубиновых (жилой дом и флигель общей полезной площадью 61,38 квадратных сажен, примерно 282 кв. м) «муниципализировалось Местхозом» (отделением местного хозяйства), и сдавалось прежним домовладельцам в аренду. Причем 10% общей жилплощади арендуемого владения должны были быть предоставлены в полное бесплатное и исключительное распоряжение Жилищной секции Местхоза [13]. «— Боже, пропал калабуховский дом!» — узнав о вселении «жилтоварищей», в отчаянии восклицал герой Михаила Булгакова, тоже врач, в то же самое историческое время и в сходных обстоятельствах. Далее — компания по уплотнению жилья. Дом Голубиновых разделили на квартиры. Бывшим хозяевам в доме выделили квартиру, потом признали лишними часть комнат и этой жилплощади. Голубиновы отдали отчуждаемые комнаты друзьям. «Нам удастся водворить и устроить на жительство в нашей квартире Марию Гри-

горьевну с Оличкой. Пустота в доме этим несколько смягчается», — записал Евгений Петрович о вдове корабельного инженера подполковника Виктора Евгеньевича Карпова, урожденной Раевской, с дочерью. Игорь, младший брат Ольги, умер летом 1921 г. от той же инфекции, что и Наталья Голубинова. Много позже семьи Голубиновых и Карповых дважды и окончательно породнились. Мой отец женился на дочери Ольги, моей матери Ксении Борисовне Рудухиной. А Ольга вышла замуж за брата Ксении Николаевны, Александра Кульчицкого. Ольга Викторовна [15, 16] вспоминала: «Евгений Петрович проводил много времени в саду у дома. Копал, сажал. Работая в саду, находил утешение. Сгорбился, постарел. Боялись, сначала, за его рассудок. Постепенно он взял себя в руки. Никогда не жаловался. И его никогда не покидал свойственный ему юмор. Евгений Петрович был выше среднего роста, но высоким не выглядел. Горе сгорбило его немного. В эти годы он начал лысеть. Цвет волос у него был рыжеватым. Ходил он с палочкой, с сосредоточенным на себе взглядом. Не обращал ни на кого внимания, не всегда узнавал знакомых. Ксения Николаевна называла Евгения Петровича «Доктор». Как-то рассказала; «Идет мне навстречу Доктор, Я говорю ему: «Здравствуйте, Доктор!» Он отвечает «Доброго здоровья» и идет дальше. Не узнал».

Демобилизовавшись, Евгений Петрович перестал служить в госпитале, устроился на работу преподавателя Севастопольского народного университета (Рабочего факультета им. К.А. Тимирязева). Читал лекции по гигиене в Севастопольском техникуме и профшколе Наркомата путей сообщения, работал в поликлинике Севастопольского здравоохранения (1925-1928), в Институте физических методов лечения, в санатории им. Сталина. «Евгений Петрович преподавал на рабфаке и лечил рабфаковцев. Они могли прийти к нему в любой час суток. С приходшими в дом всегда был внимателен и приветлив. Врач он был замечательный, прекрасно ставил диагнозы, его постоянно приглашали на консилиумы. У него было много друзей среди врачей, постоянно его посещавших и с ним советовавшихся. В это время еще была разрешена частная практика. Но у Евгения Петровича она была очень скромных размеров. Он не любил «пускать пыль в глаза». Был всегда очень лаконичным с больными, и по своему убеждению, прописывал очень мало лекарств. Ксения Николаевна старалась его убедить, что больные любят лекарства. Но поступаться своими убеждениями Евгений Петрович, ради увеличения своей

практики, не хотел» [15]. Надо сказать, что и раньше, во время военно-морской службы, частная практика врача его никогда не увлекала. «Меня всегда коробила подачка пациента врачу в руку. Если малоимущий, да к тому же и больной, лишенный болезнью заработка, отдает тебе, может быть, последний рубль, я всячески старался уклониться от получения рубля. Если больной требует неоднократного посещения его врачом, без чего диагноз болезни поставлен быть не может, а, следовательно, не может быть назначено лечение, и не может понять, что с ветра диагноз не ставят, и приписывает лишнее посещение врачом желанию побольше вытянуть из него денег, создается какое-то неловкое ложное ощущение. Кроме того, постоянное желание многих пациентов бесплатно эксплуатировать труд врача, все, вместе взятое, заставляло меня не искать частной практики. От практики, бесплатной и платной я не бежал, но ее никогда не искал и в газетах себя не рекламировал. К тому же я был военнообязанным, а служба моя после многих мытарств наладилась и упрочилась».

26(13).02.1930 Евгению Петровичу исполнилось 50 лет. Юбилей стал последним днем рождения в кругу семьи. Перед этим, 01.11.1929, Голубиновым, «как бывшим домовладельцам», по постановлению ЖАКТа пришлось покинуть дом.

В литературе неоднократно рассказывалось о случаях незаконных и необоснованных репрессий, предпринятых в СССР в 20-50-е годы против врачей и ученых-медиков. Близко к описываемым событиям и по времени, и территориально сфабрикованное в 1929 г. дело о «вражеском заговоре» украинских академиков, специалистов по теоретической медицине, в составе контрреволюционеров из так называемого СВУ — «Спілки визволення України» [17]. Волна арестов затронула и многих морских врачей в Севастополе. Не моя задача, да и не по силам мне, ввиду ограниченной доступности материалов дела в целом, писать историю этого процесса. Как родственнику, мне удалось познакомиться в основном с материалами, касающимися моего деда. Сужу по просмотренным мною четырем последним томам уголовного дела [18], на страницах которых упоминаются Евгений Петрович и Ксения Николаевна. Не знаю главного — первоначального повода для открытия следствия по делу. Но 14.11.1930 уполномоченный ОО ОГПУ Морских сил Черного моря, «рассмотрев поступивший материал» на гр. И.Я. Бильвейса, А.И. Бильвейса, В.И. Бильвейса, М.М. Кострова, Е.С. Кострову, А.И. Иванова, Г.С. Видуцкого, Г.П. Павловского, «нашел из материа-

ла, что вышеперечисленные лица проводили контрреволюционную работу, что составляет преступление, предусмотренное ст. 58 п. 11 УК, и посему, руководствуясь с. 110 УК, постановил материал принять к своему производству, заведя следственное дело» по их обвинению по указанной статье [18, том 3]. 58-я статья, пункт 11 — всякого рода организационная деятельность, «контрреволюционная группировка».

Через 5 дней после постановления был выписан ордер и на арест Евгения Петровича и его жены. Этот ордер № 1937 (sic!) от 19 ноября 1930 г., на проведение обыска и арест, появляется в середине третьего тома коллективного следственного дела. Узкий красный листок. Не знаю, чем вызван выбор красной бумаги. Революционной романтикой, желанием произвести устрашающее впечатление? Что-то вроде «черной метки» (только — красного цвета) из любимой книги моего отца «Остров сокровищ», читавшейся мне им когда-то вслух в детстве? Или просто, для удобства, чтобы было заметно начало делопроизводства по новому обвиняемому, и виной тому популярные в 1920 годы методы научной организации труда, по А.К. Гастеву, самому расстрелянному в 1939-м?

Ордер выписан с ошибками: и в фамилии («Голубинские»), и в адресе («ул. Красноармейская, д. 2, кв., 7»). За дедом и бабушкой пришли по старому адресу, где их уже не было. В номере дома — тоже ошибка (по нечетной стороне улицы он был на самом деле вторым от угла, но ведь нумеровался-то пятым). Голубиновых нашли и арестовывали в тот же день по их новому месту жительства. Из протокола задержания и обыска [18, том 3, стр. 69] узнаю, что в момент ареста Голубиновы занимали две смежные комнаты по адресу: ул. Пролетарская, 15, кв. 3. В одну комнату вела наружная дверь (видимо, из подъезда). Комната «выходила в сад», одна ее дверь «вела в комнату сына», другая — «на улицу». Можно идентифицировать дом. На ул. Суворова (бывшей Пролетарской, до того — Соборной) он есть и сейчас. Наискосок от месторасположения дома на ул. Адмиральской, если идти мимо Владимирского собора. Все там же — на «Холме беззакония». Судя по архитектуре, 20-х годов. В арке двора — вход в подъезд, рядом еще одна дверь, в квартиру № 3, действительно «выходит на улицу». Во время обыска реkvизирована «разная переписка». В уголовном деле, где все письменные вещественные доказательства сложены в конверты в конце томов, этой переписки нет. В то же время дома у нас некоторые письма чудом сохра-

нились. Жалоб «на неправильности, допущенные при обыске» или «на исчезновение предметов, не занесенных в протокол», от задержанных не поступило. На свободе остались: сын Евгения Петровича (мой отец) и брат Ксении Николаевны Александр, незадолго до этого вздумавший (чуть не на беду себе) приехать из Иркутска, где он уже был раз арестован, в Севастополь к родне.

19.11.1930 — первый допрос [18, том 3, стр. 70]. В протоколах зафиксированы рассказы Евгения Петровича и Ксении Николаевны о семье и имеющихся родственниках — эмигрантах, редкой с ними переписке. Не было смысла скрывать, все уже содержалось в показаниях коллег, было известно «органам» и так. Следователь интересовался не только родственниками за границей, но и коллегами-врачами, политическими разговорами, участием «в контрреволюционной группировке». Евгений Петрович не отказался от дружеских контактов с врачами: М.М. Костровым, А.В. Лясковским, Толбиным (в протоколе фамилии без инициалов), от знакомства с докторами М.И. Равинским, Г.С. Ведущим, Ляпиным, Г.П. Павловским, фельдшером А.И. Ивановым, от визитов к М.М. Кострову, А.В. Лясковскому, «Бельвету» (так ошибочно записана следователем фамилия И.Я. Бильвейса). Но Евгений Петрович настаивал: «Тема разговоров у нас не имела политического оттенка, вспоминали старину — выпивали. Никаких антисоветских разговоров я не замечал. Не было разговоров и < об > осуществлении контрреволюционной организации». Мужу вторила Ксения Николаевна [18, том 3, стр. 95], признавая родных-эмигрантов, но отказываясь от какой-либо «политики». Интерес следователя вызывали отношения с другими врачами и семья Бильвейсов. В ответ Ксения Николаевна характеризовала последних только положительно: «в прошлом я знала их как хороших, отзывчивых людей», и наши с ними «разговоры касались всегда чисто бытовых и обывательских сторон. На политические темы, о загранице никогда разговоров не вели». Ни самообвинений, ни каких-либо показаний, порочащих коллег и знакомых, ни Евгений Петрович, ни Ксения Николаевна не дали, никого не оклеветали, ни о ком не сказали ничего лишнего, вины своей не признали.

«Нужные» показания дали другие. Следствие продолжалось 1,5 года, и несколько человек сообщили требуемые следователем «сведения», оговорив и себя, и других. Приговор показывает, что это не помогло: человек, особо «сотрудничавший» со следствием, получил одну из самых суровых мер нака-

зания. По крайней мере, трое обвиняемых дали показания против Голубиновых. Моим родным вменялись в вину: их родственники-эмигранты, отец и тесть Н.К. Кульчицкий, министр, «реакционер» и «человек резко правых убеждений», его «контакты с Распутиным»; религиозность и «монархизм» Евгения Петровича, его «приспособляемость» к новому режиму, критика раскулачивания крестьян, обсуждение дел русской эмиграции. В качестве улик фигурировали и «знакомство с некоторыми англичанами», и разговоры о судьбе эмигрантов из Севастополя за рубежом: о студенчестве в Праге, кадетском корпусе в Сербии, о знакомых-эмигрантах, враче Аристове и священнике Спасском. Люди известные: доктор медицины В.Ф. Аристов в 1918 г. был начальником санитарной части Черноморского флота, арестовывался революционным трибуналом, Протоиерей Георгий Спасский до 1920 г. был Главным священником Черноморского флота, затем — член Епархиального совета в Париже. По тому времени все это — более чем достаточно для вынесения приговора. Особой логики ни в ходе следствия, ни в приговоре не видно, да и не требовалось. Свести концы с концами не удавалось, «вещественных доказательств по делу не имелось» [18], поэтому даже вменяемое обвиняемым в вину участие в мифическом контрреволюционном подполье свелось, в конце концов, к индивидуальным обвинениям в сотрудничестве с «отдельными контрреволюционными группировками» «в разных городах Крыма». Мою деду «досталось» соучастие в уже упомянутых «Спілках визволення України». Возможно, это объясняется знакомствами с харьковской профессурой и наличием, к тому времени покойного, тестя Н.К. Кульчицкого, долгое время профессора, зав. кафедрой и декана в Харьковском университете. Тем не менее, посчитали «доказанным», что «эта контрреволюционная организация ставила своей целью свержение Советской власти путем переворота. Каких-либо конкретных материалов о деятельности этой организации в архивном деле не имеется» [19].

Приведу только выдержки, касающиеся родных, из обвинительного заключения. «Обвиняются... Голубинов Евгений Петрович в том, что, находясь в должности ст. ординатора санатории им. Сталина в Севастополе, состоял членом контрреволюционной организации, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58, п. 11, УК РСФСР. Виновным себя не признал. Изобличается показаниями <... > (том 3, л. д. 162-163)... Голубинова Ксения Николаевна в том, что она знала о существовании контрреволюци-

онной организации и присутствовала при обсуждении членами организации вопросов их контрреволюционной деятельности, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58, п. 11/17 УК РСФСР».

Большинство обвиняемых признало свою вину полностью или частично. Помимо пяти женщин, жен арестованных (в публикуемом ниже списке они стоят последними), чью вину даже не требовалось доказывать: якобы они «знали о существовании контрреволюционной организации и не доложили об этом органам Советской власти», только пятеро обвиняемых своей вины не признали (даже частично). Это: Е.П. Голубинов, К.Ф. Ермолюк, И. г. Каракаш, В.Н. Кодрян и Г.П. Павловский. 23.05.1931 Помощник прокурора Крымской АССР по надзору за органами ГПУ в Крыму, «рассмотрев дело за № 4604 о контрреволюционной организации в Крыму в количестве 39 человек по обвинению их по ст. ст. 58-11, 58-7, 58-6, 58-10, 58-5 и 116 часть 1 Уголовного кодекса РСФСР, нашел: предварительное следствие по делу проведено с исчерпывающей полнотой и не требует дополнений. По материалам следствия и признания самих обвиняемых имеется достаточно оснований для предания всех обвиняемых суду — коллегии ОГПУ». Выписка [18, том 4, стр. 427-430] из протоколов судебного заседания коллегии ОГПУ от 15 июня 1931 года: «Слушали: дело № 111458 по обвинению граждан... по 58/11 и 4 статьям УК... Постановили:

- Рукавишникова Дмитрия Николаевича,
- Бильвейса Иосифа Яковлевича,
- Введенского Николая Павловича,

расстрелять;

- Дягилева Владимира Михайловича,
- Михайляна Александра Михайловича,
- Ровинского Максимилиана Ивановича,
- Кострова Михаила Михайловича,

приговорить к расстрелу с заменой заключением в концлагерь сроком на 10 лет;

- Хлебникова Петра Владимировича,
- Тархова Василия Петровича,
- Нефедова Михаила Федоровича,
- Бермана Александра Николаевича,
- Тепси Ефима Семеновича,
- Голубинова Евгения Петровича,
- Иванова Александра Ивановича,
- Кузнецова Владимира Александровича

заклЮчить в концлагерь сроком на 10 лет;

- Сороко Эдуарда Брониславовича,
- Гука Сергея Филимоновича,
- Калмыкова Павла Степановича,
- Кодряна Владимира Николаевича,
- Галочкина Михаила Васильевича,
- Егорова Константина Яковлевича,

- Бойко Григория Ивановича,
- Овчарова Георгия Петровича,
- Доманского Николая Антоновича,
- Каракаша Ивана Георгиевича,
- Маркевича Александра Витольдовича,
- Тирдатову Вартаана Лазаревича,
- Мелисарова Ивана Дмитриевича,
- Мутевели Эмир Али —

заклучить в концлагерь сроком на 5 лет;

- Павловского Георгия Петровича —

заклучить в концлагерь сроком на 5 лет с заменой высылкой через ПП ОГПУ в Казахстан на тот же срок;

• Климову Надежду Константиновну выслать через ПП ОГПУ в Сибирь сроком на 5 лет;

- Заголо Георгия Иосифовича,
- Ермолюка Калистрата Фроловича

заклучить в концлагерь сроком на 3 года;

- Бильвейса Владимира Иосифовича,
- Бильвес Анну Ивановну,
- Кострову Евгению Семеновну,
- Голубинову Ксению Николаевну,
- Ровинскую Елизавету Александровну,
- Репникову Александру Ивановну

выслать через ПП ОГПУ в Казахстан сроком на 2 года.

Дело сдать в архив».

Дело пролежало в архиве 27 лет. В 1958 году, в эпоху оттепели и пересмотра дел, все осужденные по делу были реабилитированы. Приложение № 06684 от 12.08.1958 — протест в порядке надзора Военной коллегии Верховного суда СССР, затем определение № 4 Н-2885/58 Верховного суда Союза ССР: «Военная коллегия Верховного суда СССР... рассмотрела в заседании от 14 августа 1958 г. надзорный протест главного военного прокурора на постановление коллегии ОГПУ от 15 июня 1931 г.,... установила: в материалах дела не имеется таких данных, которые бы являлись основанием к аресту проходивших по делу лиц. Не добыто никаких таких данных и в процесс проведенной по делу дополнительной проверки.... Исходя из вышеизложенного, Военная коллегия Верховного суда СССР определила: постановление коллегии ОГПУ от 15 июня 1931 года... отменить, и дело о них за отсутствием состава преступления, производством прекратить». Наша семья узнала об этом только в перестройку после наших с братом запросов в разные инстанции [19].

Дед отбывал наказание в подразделениях «Дальлага», сначала в поселке Обор, а затем — Бира Хабаровского края. В 1929—1930 гг. это был «Концентрационный лагерь ПП ОГПУ по ДВК», с 1930-го «Лагерь особого назначения ОГПУ по ДВК», затем

Дальневосточный исправительно-трудовой лагерь, на его базе организовано несколько лагерей, включая Бирский ИТЛ [20]. Лесозаготовки, добыча золота, каменного угля, дорожное строительство, строительство железно-дорожных линий и вододержательных сооружений, лов и переработка рыбы, сельскохозяйственные и другие работы. Видимо, Евгений Петрович работал в лагерном лазарете. В исследовании, посвященном санитарной службе ГУЛАГа, говорится, что острая нужда в медицинских кадрах заставляла обходить запрет на использование заключенных, осужденных по политическим статьям, на работах по специальности. Врачи-заключенные, независимо от состава преступления и статьи приговора, чаще всего имели особый статус, работали в больницах, амбулаториях, лазаретах, расположенных внутри охраняемых зон, часто могли ночевать отдельно от заключенных, например, «в каморке около приемного покоя». Лагерные врачи оказывали заключенным медицинскую помощь в экстремальных условиях. Это связано с профессиональными трудностями работы врача в лагере: нехватка медикаментов, персонала, больные, изможденные тяжелым физическим трудом. Но и сопряжено с моральным гнетом, как со стороны администрации (жесткая квота на освобождения от работы по болезни), так и со стороны заключенных-уголовников, требующих от лагерного врача льгот [21, стр. 84-99]. Можно предположить, что так же обстояли дела и у Евгения Петровича. Срок засчитывался ему с момента ареста. По истечении 2 лет и 2 месяцев заключения он обратился с ходатайством о пересмотре его дела и смягчении «меры соцзащиты» (читай — наказания). Ходатайство было отклонено. В следственном деле об этом имеется справка, цитирующая наиболее одиозные места из вновь «пригодившихся» показаний троих сослуживцев [18, том 3, листы дела 163, 317, 321]. В феврале 1935 г. Евгения Петровича на Дальнем Востоке нашла жена. Ксения Николаевна, отбывшая в ссылке в Казахстане два года с лишним, прибыла в Хабаровский край для встречи с мужем. Судя по трудовой книжке («трудовой список» 1931-38 гг.) [13] больше года она работала в Хабаровске счетоводом, то ли приезжая на свидания с мужем, то ли только ожидая такой возможности. В июне 1936 г. перевелась на работу в артель «Труженик» в поселке Бира, там же в Хабаровском крае, — устроилась на работу вольнонаемным счетоводом-кассиром в месте заключения мужа. В Бире она работала больше года, до 05.09.1937, общалась с мужем. В сентябре покинула поселок, уехав

в Саратов на встречу с сыном. Сохранилось единственное письмо Евгения Петровича из лагеря — от 14.09.1937. Оно написано спустя всего несколько дней отъезда Ксении Николаевны. Письмо бодрое, с юмором, не сразу догадаешься, что пишет заключенный. Но три недели спустя, 8.10.1937, Евгений Петрович погиб. По официальной версии, он умер от туберкулеза и астмы [22]. Вряд ли жена оставила бы мужа, если бы он был при смерти. Известно о случаях массовых расстрелов осенью 1937 года заключенных ГУЛАГа, осужденных по 58-й статье. Можно подозревать, что Евгений Петрович стал одним из них. Юрий Домбровский, рассказывая об этих событиях [23], упоминает о случае, когда не пощадили и врача. Известен совет, который дали юному Василию Аксенову его мать Е.С. Гинзбург и ее муж, доктор А.Я. Вальтер: «иди в медицинский, в лагере врачи лучше выживают» [24, стр. 421]. Видимо, не все. Но, может, и не стоит подозревать лишнего. Как психолог, я вполне допускаю как живительное, так и губительное влияние психологического фактора. Отъезд жены мог послужить спусковым механизмом для резкого обострения болезни. Легкие у Евгения Петровича были не в порядке с 1921 г. В его письме есть жалоба на астму. Психиатр Виктор Франкл, узник других, немецких, концлагерей, разбирая, «насколько тесна связь душевного состояния человека с состоянием его телесного иммунитета», свидетельствует, что в лагерях «внезапная потеря надежды и мужества может иметь смертельное воздействие» [25].

И последнее, также тесно связанное с защитными силами организма. В нашей семье чудом сохранилось несколько лагерных реликвий, напоминающих об Евгении Петровиче. Письмо, несколько фотографий. Железная табличка «Обор. Е.П. Голубинов, 09.01.1933» (может быть, дата прибытия в лагерь?) с деревянного чемодана, кем-то доставленного из лагеря. Среди этих печальных лагерных «сувениров» две страницы с отчетом Евгения Петровича о проведенной им сложной хирургической операции. Машинописный текст с поправками, заголовком «К казуистике консервативного метода хирургического вмешательства при ущемленной грыже», с подписью — доктор медицины Е.П. Голубинов — выглядит как полноценная статья. Название — традиционная для хирургов, в том числе военно-медицинских врачей, формулировка того времени. Описанный в тексте случай успешной урологической операции в условиях лагеря необычен, чем вызвал сомнения у моего друга — хирурга-уролога. Грыжесечение по спосо-

бу Е. Бассини, примененное Евгением Петровичем в сложной ситуации, отягощенной тяжелым состоянием больного, с большой вероятностью вело к летальному исходу. Больной выжил. Но то, во что не может поверить современный хирург, наблюдали врачи и во время войны, и в сталинских лагерях. На фоне высокой смертности, эпидемий, травматизма, отчаяния кто-то находил в себе силы и выздоравливал, выживал за счет действия компенсаторных, защитных механизмов, внезапного усиления сопротивляемости болезни. Но могло быть и проявлением того социально-психологического механизма, который описан в романе Юрия Домбровского: «... лагерь перемальвает только самых крепких, самых сильных... В лагере действительно скрипучее дерево два века живет. Ну а совсем негодные для эксплуатации, тем и помирать не надо» [23, стр. 523]. Убежден, что описанный Евгением Петровичем случай — правда. Вопрос в том, для чего он описан, с какой целью? По привычке доверять свои переживания бумаге, для тренировки ума, просто для фиксации случая излечения в экстремальных условиях? Для подтверждения своей врачебной состоятельности в собственных глазах? Кому был адресован этот текст? Врачам — таким же заключенным? Кому-то из коллег, оставшихся на свободе? Или, может быть, нам с Вами?

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Улицкая Л.Е. Даниэль Штайн, переводчик. Л.— М.: Эксмо-пресс, 2006. — 528 с.
2. Трауберг Н.Л. Сама жизнь. СПб.: Изд-во Ив. Лимбаха, 2008. — 440 с.
3. Крестьянников В.В. Классные медицинские чины Черноморского флота в Первой мировой и Гражданской войнах // Вестник морского врача. — Севастополь: 2007. № 3(3). — С. 100-184.
4. Голубинов В.В. Благородство имени и судьбы. Евгений Петрович Голубинов (1880-1937) // Вестник морского врача. — Севастополь: 2008. - № 5 (5). — С. 190-194.
5. Голубинов Владимир Евгеньевич / Б.Н. Донецкий, Е.К. Максимов // Архитекторы Саратова. — Саратов: Бенефит, 2005. — С. 90-91.
6. Голубинов Е.П. Воспоминания. Рукопись. Семейный архив Голубиновых.
7. Монастырев Н.А. Гибель царского флота. Серия: Русское военно-морское зарубежье. СПб.: «Облик», 1995. — 128 с.
8. Чверткин Е.И. Незабывтый Севастополь. Ч. 2. Севастополь: Телескоп, 2009. — 352 с.

9. Голубинов В.В. Казус Кульчицкого: материалы к биографии профессора Н.К. Кульчицкого (1856-1925) // Саратовский мед. журнал. 2009. — Том 5. — № 3. — С. 454-467.
10. Голубинов В.В. Мой прадед — профессор Николай Константинович Кульчицкий (1856-1925) // Матеріали науково-практичних конференцій студентів, молодих вчених, лікарів та викладачів «Актуальні питання теоретичної медицини», «Актуальні питання клінічної медицини», «Мікроелементози у клінічній медицині». — Суми, 2010. — С. 70.
11. Drozdov I., Modlin I.M., Kidd M., Goloubinov V.V. From Leningrad to London: The Saga of Kulchitsky and the Legacy of the Enterochromaffin Cell // *Neuroendocrinology*. — 2009. — Vol. 89. — No. 1. — P. 109-120.
12. Drozdov I., Modlin I.M., Kidd M., Goloubinov V.V. Nikolai Konstantinovich Kulchitsky (1856-1925) // *Journal of Medical Biography*. — 2009. — Vol. 17. — P. 47-54.
13. Домашний архив семьи Голубиновых.
14. Материалы Российского государственного военно-исторического архива. Ф. 395. Оп. 228. Д. 434. Л. 1-14. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2791. Л. 15 об.-16.
15. Милорадович О.В. Воспоминания. Рукопись. Семейный архив Голубиновых.
16. Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Ольга Викторовна Милорадович (1907-1996) // *Археологический журнал*. Армавир: 2008. — № 2. — С. 140-143.
17. Бобров О. Архипелаг «Медлаг»: «дело украинских врачей» // Украина криминальная. 25 декабря 2007. http://cripo.com.ua/index.php?sect_id=9&aid=46793.
18. Следственное дело в 6-ти томах. Архивный № 010528. Справка по следственному делу. Архивный № 555133. Военная коллегия Верховного суда СССР. Протест в порядке надзора по делу Руквишников Д.Н. и других (всего 39 человек). Приложение № 06684 от 12 августа 1958 г. Определение Верховного суда СССР № 4н-2885/58 от 14 августа 1958 г. Архив СНБ Украины. Главное управление в Крыму. Симферополь.
19. Ответ СНБ Украинской ССР, Управление по Крымской АССР от 03.10.1991 г. на запрос В.В. и Д.В. Голубиновых
20. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923-1960: справочник / О-во «Мемориал», Гос. архив РФ; М.: Звенья, 1999. — 599 с.
21. Нахапетов Б.А. Очерки истории санитарной службы ГУЛАГа. М.: Росспэн, 2009. — 192 с.
22. Ответ Информационного центра Управления внутренних дел исполнительного комитета Хабаровского краевого Совета народных депутатов, МВД СССР от 04.01.1992 на запрос В.В. и Д.В. Голубиновых
23. Домбровский Ю.О. Факультет ненужных вещей / М.: Сов. писатель, 1989. — 718 с.
24. Аксенов В.П. Зеница ока. М.: Вагриус, 2005. — 496 с.
25. Франкл Виктор. Сказать жизни «Да»: психолог в концлагере. М: Смысл, 2004. 176 с.

Е.П. Голубинов — морской врач,
фото до 1920 г

Е.П. Голубинов в своем кабинете
на ул. Адмиральской, дом 5

Дом Голубиновых на ул. Адмиральской, 5. Фасад 1913 года

Дом Голубиновых
на ул. Адмиральской, 5,
фото до 1919 г

Дом на ул. Адмиральской, 5,
после капитального ремонта 1919 г.,
виден второй изолированный вход

Е.П. Голубинов
в Институте физических
методов лечения (ИФМЛ),
Севастополь

Дети Е.П. Голубинова, Наталья и Владимир, Севастополь, 1913 год

Голубиновы
Ксения Николаевна
(сидит на переднем плане),
Евгений Петрович (стоит)
с сыном Владимиром
и Ольгой Карповой,
дочерью корабельного
инженера В.Е. Карпова.
Фото начала 20-х годов

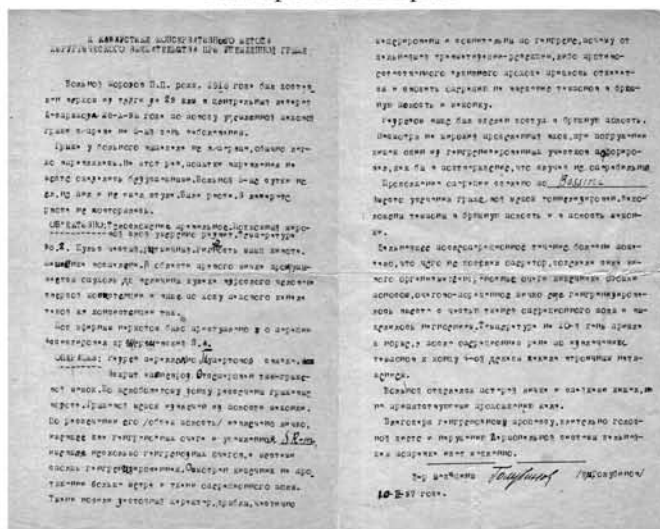
Е.П. Голубинов
в последние годы жизни

Е.П. Голубинов в Дальневосточном
исправительно-трудовом лагере (Дальлаг),
Хабаровский край

Е.П. Голубинов с пациентом —
заключенные Дальневосточного
исправительно-трудового
лагеря (Дальлаг)

Статья Е.П. Голубинова
«К казуистике консервативного метода хирургического
вмешательства при ущемленной грыжке»,
10 февраля 37 года, (Дальлаг)

ВЕСТНИКЪ МОРСКОГО ВРАЧА
ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ МЕДИЦИНЫ

•

Технический редактор
А.А. Зубарев

•

•

Верстка
С.В. Козырев

•

Сдано в набор 15.01.11. Подписано к печати 28.03.11
Формат 30x42/2. Бумага офсетная.
Гарнитура New Journal. Печать офсетная.
Усл. печ. л. _____ Тираж _____ экз. Заказ _____

Печать: ООО «Милан»
тел. (0692) 23-35-74, 23-35-90, 55-31-45
milan-print@rambler.ru